

Обычные люди этого не знали, но лавочник Яо слышал от своего хозяина: хозяйственное мыло, туалетное мыло и эфирные масла, что продавались в Лавке сокровищ семьи Тан, — все это было делом рук Тан Шэня, юного трижды первого на экзаменах. Да и его транспортный бизнес... Пусть все твердили, что он не приносит дохода, Тан Шэнь умудрился не уйти в убыток, чем несказанно удивил многих купцов, которые поначалу лишь посмеивались над этой затеей.

И лишь в последние дни лавочник Яо наконец понял: какой там транспортный бизнес! Тан Шэнь замахнулся на всю управу Гусу!

Еще год назад кто бы поверил, что можно всего за один день раструбить на всю управу Гусу, среди ста тысяч ее жителей, о скором открытии нового заведения? Как говорится, слухами земля полнится, один передал десятерым, десятеро — сотне. Этот ход Тан Шэня был поистине гениален, а сам он до поры до времени тайлся слишком глубоко.

Лавочник Яо со вздохом покачал головой:

— Молодое поколение заставляет себя уважать!

Наступило первое число десятого месяца, Праздник зимней одежды — время, когда бедняки шлют теплые вещи усопшим, а тоскующие влюбленные посылают друг другу красные бобы в знак преданности.

Управа Гусу — это не Цзиньлин, где к Празднику зимней одежды относятся со всей строгостью. Жители Гусу не слишком жаловали этот день; просто погода становилась прохладнее, и с приходом праздника они набрасывали поверх платья лишнюю осеннюю одежду. Однако сегодня на улице Суйцзинь было небывало шумно: подле Терема Цяньцю неизвестно когда вырос новый, богатый и нарядный ресторан.

На длинной улице Суйцзинь бурлила толпа. Лавочник Яо стоял у дверей Терема Цяньцю, издалека наблюдая за тем, что творится напротив.

Хватка юного хозяина Транспортной компании Тан, трижды первого на экзаменах Тан Шэня, была прекрасно известна всем купцам управы Гусу. Оставим в стороне его чудной транспортный бизнес; лавочник Яо прекрасно знал, что благоволия «Хуанцзиньлюй» из Лавки сокровищ семьи Тан раскупались благородными дамами и барышнями управы Гусу охотнее, чем само золото, исключительно благодаря уловкам Тан Шэня!

Но сегодня творилось нечто странное. В день открытия своего ресторана Тан Шэнь почему-то не стал устраивать грандиозного представления: лишь пригласил к дверям исполнителей танца львов да запустил петарды.

— Что же этот Тан Шэнь задумал на сей раз? — бормотал про себя лавочник Яо, вглядываясь в толпу, но так и не находя разгадки.

Еще месяц назад Транспортная компания Тан разнесла весть об открытии ресторана, и сегодня заведение семьи Тан было забито до отказа, а новые гости прибывали непрерывным потоком. Понаблюдав за этим какое-то время, лавочник Яо подозвал одного из слуг:

— Ступай-ка в ресторан этого юного трижды первого на экзаменах Тан Шэня и разузнай, какие фокусы он там вытворяет.

— Хозяин, их ресторан ведь специализируется на Посягуне. Если я пойду, мне тоже нужно

заказать котелок? — спросил слуга.

Лавочник Яо холодно хмыкнул:

— Иди давай, неужто я тебя в обиде оставлю и расходы не покрою?

— Слушаюсь!

Слуга, которого выбрал лавочник Яо, был самым сметливым зазывалой в Тереме Цяньцю по имени Чжан Мяо-эр. Получив приказ, Чжан Мяо-эр не побежал сразу в ресторан напротив, а сперва припрятал форменную одежду и переоделся в простое платье. Выйдя из Терема Цяньцю, он подошел к новому заведению и задрал голову, чтобы прочесть вывеску.

— Терем Сися? — пробормотал Чжан Мяо-эр. Читать он хоть и умел, но знал от силы пару десятков простых иероглифов и совершенно не понимал скрытого смысла этого названия.

В этот момент мимо проходил какой-то книжник. Взглянув на вывеску, он продекламировал:

— «Пусть нежные девы под луною подносят кубки, и тонкие струи вина золотятся в лучах зари!»! Какое дивное название — Терем Сися! Непременно зайду и погляжу, так ли сладко льется там золотое вино!

— Ишь, развыпендривался, ученый сухарь, — тихонько буркнул Чжан Мяо-эр и последовал за ним внутрь.

Не успел Чжан Мяо-эр толком переступить порог, как к нему поспешно подбежал местный слуга.

— Уважаемый гость, к сожалению, сегодня в нашем Тереме Сися все места заняты.

— Ох... И что же мне, уходить? — растерялся Чжан Мяо-эр.

— Пойдите, не спешите, — вежливо улыбнулся слуга. — Присаживайтесь вот сюда. Если пожелаете, можете немного подождать здесь. Как только освободится столик, я сразу же вас позову.

Чжан Мяо-эр изумился про себя: «Надо же, разве так бывает?»

Терем Цяньцю слыл лучшим и самым дорогим рестораном в управе Гусу, и там тоже нередко случался наплыв гостей. Желающие пообедать в Тереме Цяньцю обычно бронировали столы заранее. Однако там никогда не предлагали гостям «посидеть и подождать», ведь заведение не пеклось о каждом клиенте, да и сами господа вряд ли согласились бы тратить время на ожидание. Неужели те, кто пришел отведать Посягун, управляются с едой быстрее, чем посетители обычных трактиров?

Терзаясь сомнениями, Чжан Мяо-эр проследовал за слугой в небольшую комнату для ожидания. Предупредительность здешнего слуги даже немного напугала его: вдруг в нем распознали соглядатая из Терема Цяньцю? Войдя внутрь, Чжан Мяо-эр с удивлением обнаружил, что там уже сидели семь или восемь человек. Приглядевшись, он узнал среди них зазывал из двух других ресторанов.

Все трое неловко переглянулись и промолчали.

Пока Чжан Мяо-эр переваривал увиденное, со стороны небольшого помоста в углу комнаты

раздался резкий звонкий удар. Высокий сухощавый старик-сказитель опустил на стол деревянную колотушку-синтанму, зазвучали струны хуциня, и старик начал свой сказ:

— Поведаю я вам о смутных временах на закате прошлой династии, когда воители оспаривали власть над Поднебесной и повсюду полыхали пожары войны. В управе Цзиньлин, в тихой рыбацкой деревушке, когда алое зарево озарило небеса, а среди лазури раскинулись благовещие облака, раздался громкий детский плач — явился на свет младенец!

Раздался еще один сухой удар колотушки. Чжан Мяо-эр встрепнулся и сам не заметил, как заслушался историей сказителя.

Рассказывал старик совсем не так, как обычные затейники в чайных.

История гласила, что в конце прошлой династии в управе Цзиньлин родился вундеркинд. В три года этот чудо-ребенок знал сотни иероглифов, в пять — читал наизусть стихи. В восемь лет он изъяснялся изящным слогом, в десять — получил звание трижды первого на начальном экзамене в управе Цзиньлин, а в двенадцать стал Цзеюанем, превзойдя самого Тан Шэня. Но в тот самый час триумфа завистники отравили его: руки юноши разбила немочь, а сам он лишился дара речи.

Чжан Мяо-эр слушал, исходя благородным гневом. Ну и что с того, что злодеев в конце концов схватили стражники? Юный гений превратился в калеку и терпел всяческие унижения. Те, кто раньше заискивал перед ним, теперь осыпали его бранью. Вскоре от внезапной болезни скончался его отец, оставив калеку и немного один на один с жестоким миром. Но юноша не сдался и каждый день упорно корпел над книгами.

И вот однажды злая мачеха столкнула его в реку. Когда несчастный уже шел ко дну, мимо проходил старик. Он спас тонущего и исцелил его искалеченные руки.

— Я лишь бродячий лекарь и вернуть тебе голос не в силах. Встреча наша предначертана судьбой, так что береги себя! — сказал старик.

Юноша превозмог боль в едва заживших руках и начертал на земле: «Пусть я нем, но мои руки заговорят вместо меня. Если в грядущем я взойду на престол, то воздвигну в честь благодетеля сотню храмов, и благовония в них не угаснут тысячу лет!»

— Хорошо сказано! — вскричал Чжан Мяо-эр.

Стоило ему выкрикнуть это, как другие ожидающие в комнате дружно подхватили:

— Верно! И пускай немой, покажи этим подлым прихвостням, на что ты способен!

Чжан Мяо-эр весь ушел в рассказ, когда вошедший слуга вежливо прервал его:

— Уважаемый гость, ваш столик готов.

Чжан Мяо-эр растерялся:

— А?

— Прошу вас подняться наверх, можете делать заказ.

— ...

Чжан Мяо-эр неохотно поднялся с места. За столом он выбрал самый дешевый котелок Посягуна. Когда блюдо принесли, он с удивлением обнаружил, что оно разительно отличается от того Посягуна, который он пробовал раньше. Густой, наваристый костный бульон подавали со свежей зеленью. Тончайшие ломтики нежной баранины следовало лишь слегка обмакнуть в кипящий бульон, а затем сдобрить особым соусом, который подавали только в Тереме Сися.

— Изумительно! Разве это обычный Посягун?

Чжан Мяо-эр уплетал еду за обе щеки, напрочь позабыв про сказы старого мастера. От горячего Посягуна его замучила жажда. Он потянулся к чашке, но та оказалась пуста. Только он взялся за чайник, чтобы подлить себе кипятку, как к столу подскочил расторопный слуга, перехватил кувшин и доверху наполнил пиалу.

— Достопочтенный гость, этот чай уже остыл, позвольте мне принести вам свежего.

— А... да, хорошо... — опешил Чжан Мяо-эр.

Стоило Чжан Мяо-эру подцепить палочками последний кусочек из тарелки, как зоркий слуга тут же уносил пустую посуду. Когда от горячей еды ему стало жарко и он снял верхнее платье, слуга незамедлительно принял его из рук и аккуратно повесил.

Чжан Мяо-эр наелся досыта и получил ни с чем не сравнимое удовольствие. Никогда еще он не пробовал столь отменного Посягуна — угощение здесь ничуть не уступало яствам из Терема Цяньцю!

Когда с трапезой было покончено, а Чжан Мяо-эр все еще смаковал послевкусие, слуга поднес ему влажное полотенце:

— Пожалуйста, омойте руки, уважаемый гость.

Чжан Мяо-эр оторопел от такого почтения — в этот миг он почувствовал себя важным господином. На обратном пути в Терем Цяньцю голова его шла кругом, а ноги словно ступали по мягким облакам, не чувствуя земли под собой.

— Ну и что за чертовщину затеял этот юный трижды первый на экзаменах Тан Шэнь? — нетерпеливо спросил его лавочник Яо.

Чжан Мяо-эр замялся:

— Ну... как вам сказать...

— Что? Заметил что-нибудь необычное в Тереме Сися?

Перед глазами Чжан Мяо-эра все еще стояла недослушанная история сказителя, на языке оставался вкус восхитительного Посягуна, а в памяти — невероятная забота слуг. Голова его кружилась от восторга, словно он захмелел без капли вина.

— В этом Тереме Сися и правда творится нечто странное, хозяин. Позвольте мне сходить туда завтра еще разок, тогда я точно разузнаю всю их подноготную!

Лавочник Яо нахмурился:

— Ладно, ступай.

В первый день открытия двери Терема Сися не закрывались с часа Змеи до часа Обезьяны, и даже с наступлением глубокой ночи там по-прежнему ярко горели огни.

<http://bllate.org/book/18292/1754465>